

Оглавление

Часть первая	
СПЛОШНЫЕ ПОТЕМКИ	11
Часть вторая	
СЛУЧАЙНО УМЕР.....	51
Часть третья	
СПЛОШНЫЕ НЕОЖИДАННОСТИ	96
Часть четвертая	
УМЕРЕТЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ.....	131
Часть пятая	
НЕИСПОВЕДИМЫ ПУТИ.....	169
Часть шестая	
ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ.....	198
Часть седьмая	
НЕ ВСЕ ТАК ПРОСТО, КАК ВИДИТСЯ	236
Часть восьмая	
ДРУГАЯ ЖИЗНЬ.....	278
Часть девятая	
УМНЫЕ И ДУРАКИ	316
Часть десятая	
ПРОСТИТЬ. ЗАБЫТЬ. ПРИНЯТЬ.....	351

— Ма, нас останавливают, — разволновался Саша, вытягивая шею, чтобы за фигурой водителя рассмотреть дорогу.

— Сиди смирно, — сказала мама, опуская вуаль на лицо. — Не вступай в споры и ничего не доказывай, иначе наживем кучу проблем.

— Там не только дэпээсники, военные... Один машет нам.

— Ну и пусть машет, работа у него такая. Ловят кого-то, вот и машет.

Пятнадцатилетний Саша, высокий и физически крепкий, считающий себя уже мужчиной, оценил спартанское спокойствие матери и, расслабившись, откинулся на спинку сиденья. Тем временем водитель притормозил у поста ГИБДД, не глуша мотор, мужчина в камуфляже и с автоматом за плечами отодвинул дверцу, его глаза уткнулись в добротный (из очень дорогих), отполированный до блеска гроб. Оказывается, данный шикарный микроавтобус известной западной марки всего-то катафалк, а по внешним признакам не скажешь. Возникла пауза, словно военный ожидал, что в катафалке должна ехать свадьба вместо покойника и его родных, он окинул беглым взглядом сопровождающих гроб и задал, пожалуй, глупый вопрос:

— Кого везем?

— Мы везем па-а-пу! — весело чирикнула Маша, ей три с половиной года и смерть для нее как для взрослых инопланетяне живьем.

— Машуня, тихо! — И Саша эдак по-мужски усадил малышку себе на колени, прижал к груди, а для верности ладонью зажал рот девочке, а она хихикала, сощутив глазенки.

Рядом с ним и девочкой сидел еще один мальчик лет двенадцати, очень серьезный, щупленький, в очках и с непокорным чубчиком над высоким лбом. На второй половине салона, напротив детей, сидела женщина в черном закрытом платье и шляпе с большими полями, возле нее скучал человек в рабочей робе, рядом с водителем находился еще один мужчина в такой же рабочей одежде. Между двумя группами — гроб.

— Куда везете своего папу, к тому же вечером? — поинтересовался военный, без сомнения, озадаченный, ведь хоронят обычно днем. — Кстати, помнитесь, кладбище в другой стороне.

Женщина подняла вуаль, грустными бледно-голубыми глазами посмотрела на молодого человека, словно он недоразумение, свалившееся с неба, как ему показалось, и скорбно, со слезой в голосе, вымолвила:

— Да, вокруг города четыре кладбища, со всех сторон располагаются, но мы везем мужа не на городское, а на родину в деревню. Это его дети, — указала она жестом на троих детей, сидевших напротив, а то вдруг у него плохое зрение. — Ночь он проведет в своем доме, где прошло его детство, а завтра со всеми почестями мы похороним мужа там, где лежат его родные.

— Откройте крышку, — потребовал военный.

— Вы хотите взглянуть на мужа? — удивилась вдова и обратилась к рабочему: — Пожалуйста, откройте.

— Мы завинтили крышку, — напомнил рабочий. — Вы сами просили.

— А, да, — вспомнила она и объяснила военному: — Нам от города ехать целый час, вдруг авария, торможение, ямы... у нас к деревне ведет отвратительная дорога, не хватало, чтобы покойный выпал. Нет, вы представляете этот ужас? — И попросила рабочего: — Чего же вы сидите? Отвинтите, пожалуйста.

Мужчина, явно из конторы ритуальных услуг, приподнялся с места, стал на одно колено, заворчав:

— То завинти, то отвинти, потом опять — завинти... Как же, покойника не видели! Полина Александровна, я ни на что не намекаю, но нам еще возвращаться назад в город.

— Открывайте, — настоял военный.

Рабочий взглянул на несчастную вдову, мол, как быть, та одними глазами дала понять, чтобы открыл. Он долго откручивал болты, все терпеливо ждали, кроме малышки, которая приставала то к старшему брату, то к младшему. Но вот рабочий взялся за крышку и поднял ее, открыв покойника наполовину. Не успел военный приподняться на цыпочки, а то и залезть в катафалк, чтобы внимательней рассмотреть труп, как вдруг вдова упала на колени, приобняла мужа и зарыдала:

— Не могу поверить... Нет, это не ты, не ты... Не может быть... Мне снится этот кошмар! Боже мой, за что?.. За что?..

Бедная женщина легла грудью на труп и громко рыдала, заревела малышка, да в голос, Саша подхватил ее, прижал к себе, уговаривая:

— Машенька, не плачь... Моя маленькая, моя хорошая, я тебя пожалею, поглажу... (Она еще громче заревела.) А давай в окошко посмотрим? Кто там ходит... Собачка! Маша, смотри, какая она лохматая...

Малышка на мгновение перестала плакать, посмотрела в окно, видимо, собачка не понравилась, она снова заревела громче прежнего. Все это время вдо-

ва горько рыдала, лежа на трупе мужа, приговаривая и причитая невнятно. Потом вдруг, словно вспомнив, что человек в военной форме ждет, повернулась к нему лицом в потеках слез, всхлипывала, но с колен не поднялась.

— Водитель, подготовьте документы! — крикнул военный и закрыл дверцу, после чего отправился к носу катафалка.

Проверив имеющиеся бумаги, военный махнул рукой водителю, мол, трогай, он еще слышал рыдания вдовы и малышки, когда машина проезжала мимо него, затем и мимо поста.

— Ма, хватит, сядь, — сказал Саша. — Мы отъехали.

Полина закрыла крышку гроба, поднялась и села на место, сняла шляпу и кинула ее на гроб, после чего протянула руки к малышке:

— Иди к маме, моя родная. — Усадив всхлипывающую девочку себе на колени, Полина целовала ее, приговаривая: — Ну, все, все... Крошечка, не плачь, все хорошо. Улыбнись Саше... Молодец. А Никите?.. Никита, посмотри на Машу...

Длинную дорогу к деревне проехали в молчании, собственно, разговаривать-то и не о чем. Спокойно вел себя мальчик в очках, он высидел с прямой спиной, ни разу не согнувшись. Труднее далась дорога малышке, она вертелась, как волчок, визжала и смеялась, требовала то воды, то конфету, ее умирял Саша, а вдова даже и не думала угомонить дочь, главное — ребенок не плачет.

Затемно подъехали к добротному кирпичному дому, огороженному высоким забором из гофрированного железа, дом в глубине участка, и виден только второй этаж с крышей, за оградой шумел сад. К этому времени малышка уснула, Саша нес Машу на руках, перед дверью в ограде остановился, тогда мать обошла сына,

открыла ее ключом. Залаял пес на цепи, но, узнав своих, заскулил радостно, завилял хвостом, к нему бросился Никита, теребил пса, обнимал. Полина вернулась в катафалк, попросила водителя:

— Сдайте назад, нужно подъехать вплотную к забору.

Чтобы водитель не въехал в ограду, рабочий, сидевший рядом с вдовой, спрыгнул на землю и руководил маневром. Он же открыл крышку гроба, вдова наклонилась к покойнику и сказала:

— Вставай, мы приехали. (Покойник открыл глаза.) Теперь главное, чтобы никто из соседей не увидел, зазор между забором и машиной все же есть, его нужно проскочить быстро, а во дворе иди спокойно. Ограда у меня очень высокая.

Бывший покойник сел в гробу, буркнув:

— Фу-х, чуть не задохнулся.

— Ну, извини, — усмехнулась Полина. — По дороге могли встретиться еще проверяющие, кстати, патрули встречались, нас просто не остановили. Выходи, гроб взят напрокат, его нужно вернуть.

— Я помню, — выбираясь из гроба, проворчал он.

«Покойник» буквально совершил прыжок из машины во двор ничуть не хуже спортсмена-прыгуна, в ответ собака остервенело разлаялась. На помощь прибежал из дома Никита, успокоил пса, загнал его в вольер, огороженный сеткой рабицей, и запер, затем сказал ожившему покойнику:

— Проходи, Барсик надежно закрыт.

К этому моменту подошла и Полина, вдвоем они вошли в дом, где она сняла шляпу и кинула ее на кресло, попросила младшего сына:

— Никитушка, скажи Саше, чтобы не дал малышке уснуть, скоро ужин, мне только разогреть и накрыть на стол. — Мальчик убежал вверх по лестнице, а По-

лина повернулась к ожившему покойнику и словно увидела его только что. — Ну и вид у тебя... ей-богу, покойник. Идем, покажу твою комнату. Спальни у нас наверху, твоя тоже, есть санузел, а душ и ванна внизу, там и смоешь этот жуткий грим. Баба Люба часто заходит ко мне, она тебя не сдаст, но желательно и ей не показываться, уходи в гардеробную, это тоже внизу.

Полина привела его в комнату, показала, где и что находится, дала полотенца и предупредила, что ужин примерно через двадцать минут. Он умылся с мылом, вытираясь полотенцем, всматривался в свое лицо, мысленно спрашивая свое отражение: «Как же ты докатился до жизни такой? Где были твои мозги?» Много случилось всего за короткий период, и не только с ним, как будто с горы покатила каменная глыба, давя всех подряд, а он убегал, убегал, не успевая опомниться. И сколько людей вовлечено! Ему нельзя проиграть, а началось...

Часть первая

СПЛОШНЫЕ ПОТЕМКИ

— Прошу прощения, Даниил Тихонович...

Тот сидел в кресле у стены, остановив немигающие глаза на носке собственной туфли, нога, закинута на ногу, затекла, но позы не менял. В сущности, Даниил спал с открытыми глазами, время незапланированного и длительного ожидания вызывает агрессию, он предпринимал титанические усилия, чтобы подавить ее. А это нелегко. Даниил ушел в себя, стараясь сделать невозможное — отключить мысли, поэтому не сразу заметил фигуру, выросшую перед ним. А когда заметил, не сразу понял, что неказистый паренек обращается именно к нему, оттого и молчал. Заговорил паренек дежурным тоном, словно стишок выучил:

— Кирилл Юрьевич извиняется, он не может приехать.

— То есть? — произнес Даниил безучастным тоном.

— Он не может... — повторил паренек, будто других слов не знал.

— А причина? — перебил Даниил.

— Занят. Не получается приехать.

Даниил поднялся, рукой махнул Шумакову и адвокату, мол, все, и первым зашагал к выходу, вслед донеслось:

— Кирилл Юрьевич просил передать, что передумал подписывать договор. И просил принять наши извинения.

— Я услышал, — бросил небрежно уже в дверях Даниил, не оборачиваясь, а через плечо, и стремительно вышел.

По коридорам он шагал, широко и твердо ставя ноги, так идут уверенные в себе люди, но страшно злые. Даниил по фамилии Данилов, или просто ДД, успешный бизнесмен, на этом можно было бы поставить точку, однако не все так однозначно. Он не похож на представителей белых воротничков разных уровней, его проще вообразить с сохой или у мартемовской печи в соответствующей амуниции. И характером выдержанный, научился в среде неявных и потенциальных недоброжелателей держаться нейтрально.

— Что у тебя с лицом? — тихо бросил Шумаков, едва поспевая за ним.

При первом знакомстве с Даниловым в глаза бросаются крупные черты, простые и довольно приятные, да, лицо открытое, подобные люди вызывают доверие просто так, без повода. Кстати, из него вышел бы идеальный мошенник, ведь эта категория эксплуатирует доверие. Но он далек от плутовства, разве что чуть-чуть для дела идет, как он выражается, на компромиссы, а кто не грешен?

Однако вопрос прозвучал с явным намеком, что состояние Данилова отпечаталось на его физиономии, невольно он покосился на панорамные окна, мимо которых проходил. Ожидания увидеть себя как бы со стороны не оправдались, стекло ведь не зеркало, Даниил продолжил длинный путь, глядя прямо перед собой.

— Мимику смени, — почти не разжимая рта, посоветовал Шумаков. — Ты забыл первое правило: бесстрастность.

— Я не оканчивал актерские курсы, — отбрил Данилов.

— А следовало бы. Если кто-то состряпал эти ситюёвины, то сейчас ловит кайф от твоей убитой физиономии.

Эмиль Шумаков заместитель, помощник, доверенное лицо и полная противоположность Даниилу, вот он как раз соответствует шаблону «белый воротничок», к тому же экстерьер у него куда как привлекательный. Эмиль родился не в рубашке, нет, а в классическом костюме и с манерами графа, язык подвешен, как у куклы в телящике, умен, позитивен, в юности вообще тянул на киногероя романтических сказок. Но сорок лет не двадцать, даже не тридцать, время уже внесло коррективы в его неповторимый облик, да и фигуру подправило не в лучшую сторону, пока немного, но возраст никого не делает краше. Между прочим, они оба одногодки, а сорок — цифра раздела. Обычно все, что было до, по истечении сорока становится после, следующий период — время собирания плодов, вот как раз с этим, с плодами, неожиданно образовались проблемы.

Наконец все трое вышли из здания офис-центра, на парковке, не сговариваясь, задержались, с минуту стояли и тупо молчали.

— Что это было? — Даниил бросил вопрос в никуда, словно спросил у самого себя и явно не ждал ответа.

— Мы приехали подписывать договор, — залепетал адвокат Пушкарь, в недоумении подняв плечи, но это от возмущения, по правде говоря, он тоже не ожидал провала. — Прождали почти сорок минут...

— Больше сорока, — уточнил Шумаков.

— Ну, да, больше, не спорил Пушкарь. — После чего нам дали от ворот поворот без объяснений. Нет, что за хамство!

Пушкарь обладает удивительной способностью: в нужный момент он становится невидимкой, Дани-

лов успел забыть о нем, а он вдруг очутился перед носом, готов к труду и обороне, что и доказал следующей фразой:

— Я созвонюсь сначала с его адвокатом...

— Зачем? — с вызовом бросил Данилов, открывая дверцу авто.

— Надо же выяснить, что это за приколы...

— Нам дали по морде, выяснять — себя не уважать.

— Но должна же быть причина! — продолжал бубнить Пушкарь. — У нас был выбор, черт возьми! Нет, я потребую...

— Не надо ничего требовать, — мягко осадил его Данилов, через паузу добавил: — Достала битва за место под солнцем. Я тоже не пойму, какого черта Ильин втянулся в игру с договором. Столько времени потрачено впустую... еще и оплеуху получили не ясно, за что. Отдыхай, а я подумаю... но потом. Позже подумаю. Завтра обсудим, что это было.

Данилов плюхнулся на сиденье водителя, рядом уселся Шумаков, оба одновременно захлопнули дверцы, а потом Пушкарь наблюдал, как автомобиль сдает назад и выезжает с парковки.

Недолго держалась пауза в салоне, ведь и Шумаков наверняка был тоже задет дикой выходкой несостоявшегося партнера, он первый прервал молчание, хотя понимал, что лучше не поджигать Даниила:

— Вообще-то, такие дела не должны оставаться безнаказанными, пословицу новых времен помнишь?

— Какую?

Казалось, Даниил ничего не способен слышать сейчас, однако у него прекрасное самообладание, Эмиль развернулся к нему и назидательно сказал:

— Если тебя незаслуженно обидели, то вернись и заслужи. Иначе нас заклюют соратники, соперники, завистники и просто говнюки. Второй закон ка-

менных джунглей: дали в лоб — оторви руку, которую подняли на тебя.

Сейчас даже с ним Даниилу не хотелось обсуждать сегодняшний инцидент, на душе препакостно, нужна пауза, чтобы не взяли верх эмоции. Сильные не имеют права на слабости, а эмоции — пустой выхлоп и слабость. Шумаков почувствовал его настроение и далее не спешил ни комментировать поступок Ильина, ни задавать вопросы.

Жизнь Феликса Вараксина изменилась кардинально,

...хорошо это или плохо? Однозначно ответить проблематично. Поскольку большую часть жизни человек проводит на работе и во сне, то на плюсы остается критически мало, сон — это провал, его невозможно оценить плюсом-минусом, он данность, не подлежит изменениям и замене. Значит, жена и сын единственно положительная часть, ну, еще зарплата выше, чем на государственной службе, короче, главный минус — работа, отсюда и зарплата не шибко радует.

Ммм... при слове «работа» Феликса тянуло стонать и биться головой о стенку, особенно когда эта самая «работа» стоит перед носом в одной шелковой рубашке, выдавая ее за халат. Не успел он сменить напарника на постылом дежурстве в особняке, как притащилась Ангелина... Ой, Ангелина не комильфо, по простецки звучит, она переделала свое имя на элегантное — Анжела. Притащилась она с определенной целью: чтобы он ударно потрудился еще и в кровати, а то и прямо в тесной комнатухе охраны без всяких удобств. Ну, так она же передовое существо без комплексов.

— Анжела Викторовна, у вас пояс рубашки развязался, — сказал сухо.

Ага, развязался! Она его на руку то накручивает, то раскручивает, предоставив ему обозреть, что на ней надето под полупрозрачной тряпкой — в сущности, почти ничего. Бросив фразу, Феликс отошел к столу с мониторами, вмонтированному вдоль глухой стены и вдоль бокового окна, отошел именно туда с тайным и коварным умыслом, потому что наступил предел после приставаний в течение двух недель. Анжелочка, как называет ее ласково муж, конечно, старше жены лет на тридцать с гаком, перепорхнула в угол, очутившись перед упрямым охранником и опираясь пятой точкой с ладонями о стол, рассмеялась:

— Ты из металла сделан? Так и хочется тебя... накалить.

А он в это время думал, что данный подвид женской породы действует с поразительным однообразием, как под копирку, вероятно, прошла полный курс у коуч-тренеров по достижению цели, где учат черт-те чему, но не женским обязанностям. Двадцатисемилетняя Анжелочка, как заведено у богатых старых дураков с пузом почти до колен, красotka, но не на вкус Феликса, и, разумеется, она пробовала себя в модельном бизнесе местного пошиба, это все ее достоинства. Зато, с его точки зрения, щедро одарена дефектами: без мозгов, без души и без стыда, эдакое ходячее и говорящее 3D-изображение, предложившее уже напрямую:

— Идем ко мне? Я подарю тебе лучшие мгновения...

А придыхания, а изгибы тела, выдающие страстную страсть... Кажется, помимо коуч-сессий Анжела перестаралась освоить опыт из эротических фильмов, однако багаж приемов соблазнения скуден и примитивен.

— Мне платят не за лучшие мгновения, а за охрану объекта, — охладил ее монотонным тоном Феликс.

— Ай, брось, кого тебе здесь охранять? Себя, что ли? Да к нашему поселку на километр никто не приблизится, здесь обитает элита, которая друг перед другом выпендривается. Мой Бобик нанял охрану ради понтов, надоест тратить деньги — пошлет вас всех, он это умеет делать, еще на твоего патрона навесит долгов кучу. Что за работа — торчать без дела? Одна скука смертная. Карлика до вечера не будет, давай проведем это время с пользой? Ты такой классный, brutальный...

Его уже тошнило от этого слова — brutальный, которым жонглируют замужние дамы от недостатка секса. Впрочем, Феликс действительно с ярко выраженным мужским началом и весьма привлекательный. Высокий, тело у него крепкое, состоит из мускулов, глаза серые, такого же цвета волосы, рельефные губы, правда, нос горбатый, но совсем не портит его, как раз наоборот, придает благородства, во всяком случае, так утверждает жена. Между прочим, практически все бывшие возлюбленные на две-три ночи долдонили про brutальность, кроме жены, она не таяла, ее пришлось завоевывать через загс штампом в паспорте.

— Brutальный, как в кино, — мурлыкала тем временем Анжела, подступив к нему почти вплотную. — Я тоже, правда?

— Brutальная? — поддел ее Феликс.

И усмехнулся, глядя на жалкое создание, у которого три потребности: барахло, секс и жратва, оно (создание) понятия не имеет, что этого набора для счастья маловато. Однако достала, Феликс перешел на холодный тон:

— Слушай, Анжела Викторовна, я же твою работу не ставлю под сомнения, хотя, на мой взгляд, вот это все... — небрежным жестом обвел он вокруг, имея в виду под работой полученные блага от мужа... — не стоит физических и моральных затрат. Вышла бы за-

муж за молодого и здорового пацана, готового после смены на заводе отработать ударно и в спальне, с твоей красотой это раз подмигнуть. Нарожала бы детей и от твоей скуки не осталось бы и следа.

Ба... Феликс умудрился шокировать Анжелу, а ее вряд ли возможно привести в состояние замешательства, смущения или смятения, тем не менее она растопырила глаза, словно ее окатили ведром холодной воды. Но то, что недоступно, сильнее хочется взять, вопреки разуму и вопреки сопротивлению противоположной стороны. Внезапно в порыве нахлынувшего желания предаться греху Анжела обвила шею Феликса руками, потянувшись губами к его губам, а губы... кошмар Силиконовой долины. Бесстрастный охранник расцепил ее руки и отодвинул от себя на безопасное расстояние, после чего выставил ладонь, дескать, ближе не подходи, дополнительно сказал:

— Ты уж извини, Анжела Викторовна, я не занимаюсь сексом на работе. — Ну и добивать так добивать: — Кстати, ты баба не в моем вкусе.

— Что? — хохотнула она. — Баба? Это ты про меня? Да как у тебя язык повернулся? Тебя хочет такая женщина, как я, а ты про какой-то вкус... Да у тебя никогда таких не было и не будет, ловил бы момент, но нет, ты, как дурак, упускаешь свой шанс.

— Мне бы ваши проблемы, Анжела Викторовна. — И Феликс занялся аппаратурой, по ходу советуя «хозяйке»: — Посмотрите телик, поплавайте в бассейне или в магазины поезжайте, а мне нужно работать.

— Проблемы? — завязывая поясok на талии, процедила Анжела зло, ведь с унижением мало кто смиряется. — Могу организовать тебе проблемы.

— Не сомневаюсь.

А тут и муж нарисовался нежданно-негаданно, вот потеха! Комната охранников на втором уровне, раньше